

Великие
биографии

*Мой муж
Лев Толстой*

Тяжелый деспот, неверный муж,
суровый отец — и всё это
наш великий страдалец,
так много рассуждавший
о семье, о семейном счастье,
о воспитании детей.

Людмила Улицкая

*Софья
Толстая*

Великие биографии

Софья Толстая

Мой муж Лев Толстой

«Издательство АСТ»

2014

Толстая С. А.

Мой муж Лев Толстой / С. А. Толстая — «Издательство АСТ»,
2014 — (Великие биографии)

В этом издании раскрывается личная жизнь Софьи Андреевны и Льва Толстого. Как эта яркая незаурядная женщина справлялась с ролью жены великого мужа? С какими соблазнами и стремлениями ей приходилось бороться? Так прекрасна ли жизнь с гением? В дневниках читатель найдет ответы на все эти вопросы.

© Толстая С. А., 2014

© Издательство АСТ, 2014

Содержание

Первая часть	6
1897	6
1898	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Софья Толстая

Мой муж Лев Толстой

Издания дневников Софьи видели свет неоднократно и всякий раз преподносились как материал, интересный с исторической точки зрения. Как материал, дополняющий картину жизни Льва Николаевича. В этом же переиздании мы взглянем на жизнь Софьи как на жизнь личности. На отношения супругов как на отношения между полами. Составителем внесены вставки, содержащие в себе легкий психоанализ, для представления задуманного ракурса наблюдения за жизнью жены великого писателя.

Автор-составитель

Первая часть

«Мне жаль тебя, Соня, – сказал он, – тебе так хотелось играть со скрипкой сонаты, и тебе не удалось».

Лев Николаевич Софье

1897

23 ноября

Москва, Хамовнический пер.

Начинаю книгу с тяжелого дня. Все равно, на свете больше горя, чем радости. Вчера вечером Андрюша и Миша собрали большое общество мальчиков и пошли караулить привидение в доме Хилковой на Арбате. Под этим предлогом пропадали всю ночь и вернулись домой в 9 часов утра. Всю ночь, до 8 утра, я их ждала с таким волнением, что задыхалась просто. Потом я плакала, сердилась, молилась... Когда они проснулись (в первом часу), я пошла к ним, делала им выговор, потом разрыдалась, сделалось у меня удушье и спазма в сердце и горле, и весь день я лежала, и теперь как разбитая.

Мальчики присмирели, особенно Миша; его совесть еще помоложе, почище. От Левы было письмо; огорчается, что отец злобно спорит, кричит и горячится.

От Тани телеграмма вчера из Севастополя, она едет домой. Что-то она будет делать! Бедная Маша не поправилась и все слаба и плоха. Получила от нее письмо. Сережа тих и очень приятен своим умом, музыкальной талантливостью и деликатностью.

Мороз и снег. Читаю 3-ю часть биографии Бетховена и в восторге от него. Взяла еще один, 3-й урок музыки и сейчас, от 11 до 1, упражнялась на фортепиано.

24 ноября

С утра отправилась в лицей к директору по поводу Миши. Опять он требовал полного поступления, опять уговоры Миши, его несогласие – и на все руки отпадают.

Потом в Думе подавала заявление Миши для поступления в вольноопределяющиеся. Потом свезла Левину статью в «Русские Ведомости», – перевод с шведского.

Вернувшись, переделалась и поехала поздравить именинниц: Дунаеву, Давыдову и Ермолову. Я люблю этот светский блеск, красивые наряды, изобилие цветов, мягкие, учтивые и изысканные внешние формы речи, манер. Как всегда, везде и во все мои возрасты – общее удивление и выражение это мне – по поводу моей будто бы необыкновенной молодости. Истомин особенно был изысканно любезен.

Сергей Иванович ни разу у меня не был. Он что-нибудь слышал о ревности Л.Н. и вдруг изменил свои дружеские отношения ко мне на крайне холодные и чуждые. Как грустно, как жаль! А иначе объяснить его холодность и непосещение меня – я не могу. Уж не написал ли ему что Л.Н.?

25 ноября

Вернулась из Ялты Таня, и духовно и телесно поправившаяся. Был Илюша.

Таня говорит, что Л.Н. о жизни в Москве говорил как о самоубийстве. Так как он будто бы для меня приезжает в Москву, то значит я его убиваю. Это ужасно! Я написала ему все это, умоляя его не приезжать. Мое желание сожительства с ним вытекает из моей любви к нему, а он ставит вопрос так, что я его убиваю. Я должна жить тут для воспитания детей, а он мне это всегда ставит в упрек! – Ох, как я устала от жизни!

26 ноября

Весь день провела в театрах. Утром возила Сашу, Веру Кузминскую и Женю Берс в театр Корша смотреть «Горе от ума». Играли очень дурно, и было мне скучно. – Вечером Таня меня упросила ехать с ней смотреть итальянскую актрису Тину ди Лоренцо. Это красивая, с темпераментом итальянка, но не зная языка и пьесы («Adrienne Lecouvreur»), не очень было интересно смотреть и слушать. Очень я утомилась, почти не играла сегодня, и теперь хотелось бы дома посидеть.

Был брат Петя с дочерью, Дунаев, Суллержицкий... Очень холодно, ветер, у Миши горло покраснело.

27 ноября

Сегодня провела время хорошо. С утра взяла у мисс Вельш 4-й урок музыки, ездила к ней по конке на Якиманку; зашла к Русановым, но ее не застала. Вернувшись, читала, т. е. перечитывала еще раз 1-ю и 2-ю части биографии Бетховена, потом писала свою повесть, которой очень недовольна, и читала Сенеки «Consolation a Marcia». Я люблю это письмо, оно меня утешает. После обеда хотела играть с Мишей сонату Моцарта со скрипкой, но подошел Сережа, и я его посадила. Очень мне было радостно и то, что Миша взял опять в руки скрипку, и просто весело было на них смотреть, на двух братьев за моим любимым искусством. Миша стал играть хуже, но не совсем разучился. Хоть бы Бог дал, чтобы он опять взялся за музыку. Сколько он узнал бы радости и утешения!

О Льве Николаевиче известий нет. Какая-то глухая тоска и забота о нем сидит в моем сердце; но рядом и недоброе чувство, что он добровольно живет врознь с семьей и сложил с себя уже очень откровенно всякое участие и заботу о семейных. Я ему больше писать не буду; не умею я так жить врознь и общаться одними письмами.

29 ноября

Вчера получила длинное, доброе и благоразумное письмо от мужа. Я очень старалась проникнуться им; но от него веяло таким старческим холодом, что мне стало грустно. Я часто забываю, что ему скоро 70 лет, и несоразмерность наших возрастов и степени спокойствия. На тот грех моя наружная и внутренняя молоджавость еще больше мне мешает. Для Л.Н. теперь дороже всего спокойствие, а я жду от него порывистого желания приехать, увидеть меня и жить вместе. Эти два дня я страшно по нем тосковала и мучительно хотела его видеть. Но опять я это пережила, что-то защелкнулось в сердце и закрылось...

Сегодня весь день провела в музыке. Утром ездила с Сашей на репетицию симфонического, а вечером опять в концерт. Играли 9-ю симфонию Бетховена, и я наслаждалась беско-

нечно. Еще мне доставила удовольствие увертюра Вебера «Оберон». Утром у двери неожиданно встретила С.И. и обрадовалась очень.

Перечитываю Сенеку и продолжаю читать биографию Бетховена. Она длинна, а времени мало.

30 ноября

Приходил завтракать С.И., принес с собой добродушное веселье, спокойствие и ласковость ко всем. Наблюдала его по отношению к Тане, но ничего не могла заметить.

Была еще Сафонова и ее две девочки у Саши, и Соня Колокольцова. Девочки весело катались в саду на коньках. Потом приехал из Ясной Маковицкий и стал ломаным русским языком мне рассказывать, что Л.Н. бодр и много работает, и посылает длинную, длинную статью в «Северный Вестник». Я ушам своим не верила, я просила его повторить, и он с особенным удовольствием это повторил.

Почти три года тому назад, за две недели до смерти Ванички, была гадкая, страшная ссора у нас с Л.Н. за то, что он тихонько от меня отдал не мне, по моей просьбе, не Стороженко, по его просьбе (в пользу бедных литераторов), а Гуревич в ее журнал – этот прекрасный рассказец «Хозяин и работник». Хотя я отстояла тогда и свои права для 14-го тома и права изданий «Посредника», и мы выпустили этот рассказ одновременно с Гуревич, что ее страшно злило, но вся эта история тогда чуть не стоила мне жизни или рассудка.

В первую минуту я хотела лишиться себя жизни, потом хотела уехать куда-нибудь, потом проиграла на фортепиано часов пять, устала, весь день ничего не ела и уснула в гостиной, как спят только в сильном горе или возбуждении – как камень повалилась.

Написать, рассказать весь трагизм моей жизни и моих сердечных отношений, моей любви к Л.Н. – невозможно, особенно теперь.

10 декабря

Прошло десять дней с тех пор, как я писала свой дневник. Что было? Трудно собрать все события, тем более, что все было тяжелое, и многое еще новое и тяжелое открылось мне. Постараюсь все вспомнить.

2 декабря я была в концерте «Бетховенский вечер». Ауэр и д'Альбер играли четыре сонаты со скрипкой. Наслаждение было полное, и душа моя успокоилась на время. Но на другой день я увидела в газетах объявление «Северного Вестника» о статье Л.Н. Кроме того Таня со мной поссорилась, упрекая за мое мнимое отношение какое-то к С.И., а я его месяц до того не видела. Я оскорбилась страшно; меня мои домашние всегда умеют сделать без вины виноватой, если я, как делала всю жизнь, не рабски служу и покоряюсь всем требованиям семьи, а избираю какой-нибудь свой путь, как теперь избрала занятие музыкой. И это вина!

На другой день получена была телеграмма от Доры и Левы, что они едут, от Л.Н. ничего.

Я так нетерпеливо ждала Л.Н., так готова была ему писать, служить всячески, любить его, не доставлять ему никакого горя, не видать и С.И., если ему это так больно, что известие о том, что после месяца разлуки он не едет ко мне, да еще печатает статью в «С.В.», привело меня в состояние крайнего отчаяния. Я уложила вещи и решила ехать куда-нибудь. Когда я села на извозчика, я еще не знала, куда поеду. Приехала на петербургский вокзал, хотела ехать в Петербург, отнять статью у Гуревич, но опомнилась и поехала к Троице. Вечером, одна, в гостинице, с одной свечой в грязном номере, я сидела как окаменелая и переживала всю горечь упреков моему равнодушному к моей жизни и любви – мужу. Я хотела себя утешить, что в 70 почти лет уже нельзя горячо чувствовать, но зачем же обман и тайные от меня сношения и статьи в «С.В.»? Я думала, что я сойду с ума.

Когда я легла и заснула, меня разбудили нянин и Танин голоса и стук в дверь. Таня почему-то догадалась, что я именно поехала к Троице, обеспокоилась и приехала ко мне. Я была очень тронута, но состояние моего отчаяния не изменилось. Таня мне сообщила о приезде Доры и Левы и о том, что Л.Н. приезжает на другой день. И это уж меня не тронуло. Я слишком долго и горячо его ждала, а тогда уж сломалось во мне опять что-то, и я стала болезненно равнодушна ко всему.

Таня уехала, а я пошла к обедне. Весь день (девять часов) я провела в церкви. Я горячо молилась о том, чтоб не согрешить самоубийством или мстью за всю боль, постоянно причиняемую мне мужем; я молилась о смирении, о чуде, которое бы сделало наши отношения с мужем до конца правдивыми, любовными, доверчивыми; молилась об исцелении моей больной души.

Исповедь моя была перед Богом, так как старец, схимник Федор, так дряхл, что не понимал даже моих слов; он всхлипывал поминутно от нервности и слабости. Что-то было очень таинственное, поэтическое в этом говении; в каменных проходах, келиях, простом народе, бродящих всюду монахах, в молитвах, длинной службе и полном одиночестве среди не знавшей меня толпы молящихся. Вернувшись, вечером я читала долго правила и молитвы по книге, находящейся в гостинице. На другое утро я причащалась в Трапезной церкви. Был царский день (6 декабря) и готовился роскошный для монастыря обед: четыре рыбных блюда, пиво, мед. Посуда: тарелки и кружки оловянные; на столах скатерти, служат послушники в белых фартуках.

Потом я, простояв молебен, пошла бродить по Лавре. Цыганка нагнала меня на площади: – Любит тебя блондин, да не смеет; ты дама именитая, положение высокое, развитая, образованная, а он не твоей линии... Дай 1 р. 6 гривен, приворожу: иди за мной, Марью Ивановну все знают, свой дом. Приворожу, будет любить как муж...

Мне стало жутко и хотелось взять у ней приворот. Но когда я вернулась домой, я перекрестилась и поняла, как это глупо и грешно.

Вернувшись в номер, мне стало тоскливо. Телеграммы, которой я ждала от Тани о приезде Л.Н., не было. Поев, я поехала на телеграф, и там были две непосланные телеграммы: одна от Тани, другая длинная, трогательная от Л.Н., который меня звал домой.

Я немедленно поехала на поезд.

Дома Лев Николаевич встретил меня со слезами на глазах в передней. Мы так и бросились друг к другу. Он согласился (еще в телеграмме упомянув об этом через Таню) не печатать статьи в «Северном Вестнике», а я ему обещала совершенно искренно не видать нарочно С.И., и служить Л.Н., и беречь его, и сделать все для его счастья и спокойствия.

Мы говорили так хорошо, так легко мне было все ему обещать, я его так сильно и горячо любила и готова любить...

А сегодня в его дневнике написано, что я созналась в своей вине в первый раз и что это радостно!!.. Боже мой! Помоги мне перенести это! Опять перед будущими поколениями надо сделать себя мучеником, а меня виноватой! А в чем вина? Л.Н. рассердился, что я с дядей Костей зашла месяц тому назад навестить С.И., лежащего в постели по случаю больной ноги. По этой причине Л.Н. страшно рассердился, не ехал в Москву и считает это виной.

Когда я стала ему говорить, что за всю мою чистую, невинную жизнь с ним он может простить меня, что я зашла к больному другу навестить его, да еще с стариком дядей, Л.Н. прослезился и сказал: «Разумеется, это правда, что чистая и прекрасная была твоя жизнь...»

У нас всякий день гости; скучно, суетно. Лева в Москве не в духе. Вчера были для Левы и Доры в Малом театре. Шел «Джентльмен» князя Сумбатова. Сегодня обедает Bouvier, корреспондент французских газет «Temps» и «Debats». Играть на фортепиано не приходится. Усиленно переписываю для Л.Н., поправляю корректуры и всячески служу ему.

Вчера ночью страшная невралгия...

*Преданная... прекрасная женщина, дай Бог каждому достойному мужу положительные её качества*¹.

11 декабря

Была Гуревич. Л.Н. к ней не вышел. Статью пока он у нее спросил назад. Что дальше будет! Я утратила всякое доверие к Л.Н. после всей этой обманной истории печатания статьи в «Северном Вестнике».

Вчера вечером был у Л.Н. немецкий актер Левинский.

Дневник является интереснейшим объектом изучения для, как было выражено в предисловии, «легкого психоанализа».

«За публичным «Я» стоит и другое «Я», которое выбирает, какую роль играть и которое следит за исполнением роли».

(Джонатан Поттер, Маргарет Уезерел. ДИСКУРС И СУБЪЕКТ)

В дневник погружается собственное Я автора, и на первый взгляд оно должно быть «выбирающим». Где же публика? Человек, пишущий дневник, естественно, рассчитывает на его недостижимость для публики. Публикой является он сам. Отсюда можно двояко оценивать передачу реальности Софьей.

14 декабря

У Л.Н. болит что-то печень и плохое пищеварение. Боюсь, что он разболится, как и я болела эти дни. У меня было сильнейшее расстройство печени и желудка. Сегодня страшная метель, и, может быть, нездоровье Л.Н. к погоде.

Вчера, и еще день раньше, он, купив себе коньки, ходил кататься на коньках и радовался, что совсем не устает. И действительно, он бодр, но со вчерашнего дня на него нашло уныние, не знаю отчего. От Гуревич письмо отчаянное, что Л.Н. берет назад статью; и верно Л.Н. на меня сердится за это. Чтоб не быть виноватой, я все время прошу Л.Н. делать все, что ему приятно, обещаю ни во что не вмешиваться, ни за что не упрекать. Он упорно, нахмурясь, молчит.

В сущности, как я ни храбрюсь, в самой глубине души – скорбь о не совсем, не до конца хороших, дружных отношениях с Л.Н. и беспокойство за его здоровье. Все сделала и так искренно и горячо желала хороших отношений! Эх, как трудно, все трудно! Сегодня, когда я уезжала в театр, ко мне с рыданиями пристала какая-то аптекарская жена, прося сначала 600 руб., потом 400 руб. на поправление дел. Ей еще труднее. А мы все искушаем Господа Бога нашего...

16 декабря

Вечером страшно болела голова. Были две милые Масловы: Анна и Софья Ивановны. Участливые, добрые, живые. Потом Стахович и Горбунов. Сегодня обедала Лиза Олсуфьева и был Ф.И. Маслов, приносил виды Кавказа Л.Н. для его повести. Потом Наташа Ден. Бегала по делам и покупкам. У Л.Н. грипп, и он не в духе. Немного играла. Чудесный Rondo в сонате Бетховена.

¹ Здесь и далее примечания автора-составителя.

Вчера ездила по светским визитам; везде один разговор: «Что пишет граф?» – «Qu'est ce que vous faites pour rester toujours jeune?» и т. д. Моя молодость сделалась каким-то необходимым разговором со всеми на свете. А на что она мне? На душе, главное, не радостно; Л.Н. не ласков, и главное, что-то есть в нем не высказанное, что он таит. Я все на свете бы для него делала, если б он ласково просил меня. А его злобный, молчаливый протест вызывает и во мне протест и желание оградить и создать свой душевный мир, свои занятия и свои отношения. – С.И. не вижу и стараюсь о нем не думать.

Л.Н. охрип и кашляет.

17 декабря

С утра урок с мисс Вельш на фортепиано. Потом визит Анненковой и баня. У Льва Николаевича грипп, ему не пишется, он молчаливо-угрюм, неприятен и сегодня говорил об отъезде к Маше. Тяжела эта лихорадочная жизнь: если он приезжает, он сердится, что приехал, и все время опять куда-то стремится. Нет этого дружного, спокойного, семейного положения, которое я так бы любила; нет определенности...

В бане удивительное событие: здесь в Москве последнее время много говорили о семье Соловьевых каких-то, у которых умерло на одной неделе трое детей от скарлатины. И вот как раз мне привелось быть рядом в одном отделении с матерью этих детей. Мы разговорились, я мучительно вспоминала и рассказывала о смерти Ванички и о том, какой выход (религиозный) я искала и отчасти находила в моем горе. Это ее утешало, я потом она спросила, кто я, и когда я сказала, она разрыдалась, бросилась меня целовать, просила меня еще побыть с ней. Милая, красивая и жалкая женщина.

Вечером гости: Чичерин, Лиза Олсуфьева, Маша Зубова, Анненкова, Русанова и С.И. Танеев. Его появление меня испугало из-за Льва Николаевича, и первое время было неловко и страшно. За чайным столом обошлось. Конечно, я рада была его видеть, но еще больше была бы рада его слышать. Но он не играл.

Видела вчера сон: длинная, узкая зала, в глубине фортепиано, и С.И. играет свое сочинение. Вглядываюсь, вижу: сидит у него на коленях Ваничка, и я сзади только вижу его кудрявую золотистую головку и белую курточку, и он прислонился к левому плечу С.И. И мне так радостно и спокойно на душе и от музыки и от того, что Ваничка у С.И. – Стукнули ставнями, и я проснулась. Мотив музыки так ясно помнился мне и наяву, но недолго удержала я его в памяти.

И стало мучительно грустно, что нет Ванички, что никогда не будет и той музыки, которая успокаивала мое горе, и что никогда не заживет горе Л.Н. от его ревности, и навеки испорчены, без всякой вины моей, и отношения с Л.Н., и простые, хорошие отношения с С.И. вследствие этой ревности. Как тяжела все-таки жизнь! Трудна.

Рассказал сегодня Лев Николаевич: в Кремле рожала женщина. Роды были трудные, она стала умирать, послали в Чудов монастырь за священником. Пришел с дарами иеромонах. Оказалось, что он был когда-то доктором и увидал, что при помощи щипцов и известной операции можно спасти и мать и ребенка. Была ночь; он пошел к себе в келью и принес хирургические инструменты. Операция была сделана этим иеромонахом, и роженица и ребенок были спасены. Говорят, что когда дело дошло до митрополита, монаха хотели расстричь, но потом только перевели в другой город и другой монастырь.

Соня Мамонова показала мне сегодня фотографический портрет сына двухмесячного Мани и Сережи.

18 декабря

Поздно встала, ходила пешком в банк по делам денежным детей. Чувствую себя больной и слабой духом и телом. После обеда играла немного, потом читала вслух, сначала брошюрку «Жизнь», а потом Лев Николаевич читал мне и Соне Мамоновой вслух разбор новых французских пьес и их содержание. Все хочется всем выдумать новое, основанное на эффектах и неожиданности, а содержания настоящего мало.

20 декабря

Вчера по покупкам к празднику, и нынче то же. Детям, внукам, невесткам, гувернантке – всем все надо. С трудом и скукою делаю все это. Вчера проснулась рыдая. Вижу во сне, что Ваничка вернулся и весело играет с Сашей, а я обрадовалась, бегу к нему. Потом он лег, и я нагнулась и начала его целовать, а он протянул ко мне губы, по его привычке. И я говорю ему: «Как тебя давно не было, как хорошо, что ты вернулся».

Так все было реально, так живо, что, когда я проснулась, я рыдала и долго после все плакала; Л.Н. удивился, а я не могу остановиться и плачу, плачу. Как болит во мне это горе! Говорят, что грех плакать по младенце; может быть!

Лев Николаевич вчера ездил верхом в типографию, где печатается в «Журнале Философии и Психологии» его статья «Об искусстве». Вчера же он катался на коньках, а вечером мы с ним ходили на телеграф послать телеграмму его переводчику в Англию.

Он все бодрится, а я ему привела лошадь верховую, чего ему очень хотелось.

21 декабря

Да где оно, людское счастье?

Сегодня опять тяжелый, тяжелый день. Получила Таня письмо от Гуревич, все насчет того, чтоб Л.Н. дал ей статью. Сережа, приехавший сегодня, и Таня напали на меня, что это я не хочу (мне так неприятны эти сношения с «Северным Вестником»), и послали меня к Л.Н. просить, чтоб он оставил свое «Введение» к переводной статье Карпентера. Я пошла, говорю, чтоб Л.Н. дал эту статью, если и ему и всей семье этого так хочется. Я почти просила его согласиться. Но для Л.Н. это лучшее средство для достижения обратного, так как он из духа противоречия всегда делает противное.

Но тут я неосторожно сказала что-то, что его отношения к Гуревич так же мне неприятны, как ему мои к Танееву. Я взглянула на него, и мне стало страшно. В последнее время сильно разросшиеся густые брови его нависли на злые глаза, выражение лица страдающее и некрасивое; его лицо только тогда хорошо, когда оно участливо-доброе или ласково-страстное. Я часто думаю, что бы он сделал со мной или с собой, если б я действительно хоть чем-нибудь когда-нибудь была виновата?

Благодарю Бога, что он меня избавил от случая, греха и соблазна. Себе я не даю никакой цены; Бог спасал.

Л.Н. сегодня утром у нас в саду разметал каток и катался на коньках; потом ездил верхом на Воробьевы горы и дальше. Ему что-то не работается.

Особенно для мужчины, так же для девушки, для женщины бездетной, удивительным должен прийти мир Софьи. Насколько меняют психику женщины 19-20-го веков замужество и дети. Это уже не 18-й, не начало 19-го, когда женщина имела столь мало прав, что и близко не было речи

о женском избирательном праве. Но даже в это время, приближающееся к свободам, ум женский, как видно из дневника и сознания Софьи, заполнено мыслями о детях, о чувствах к мужу. И лишь малая толика мыслей о себе. Самопожертвенно. Но возможно, это и есть причина многочисленных патологий Софьи Толстой?

25 декабря

Неужели я четыре дня не писала дневник? Много случилось в эти дни. Третьего дня Лев Николаевич отправился на Николаевский вокзал, хотел перехватить отъезжающих: англичанина Синжона и Суллержицкого, которые повезли пожертвованные духоборам деньги, чтоб передать им. Их не застал, страшно устал, пришел пешком домой, озяб, лег, – и когда я вернулась домой, застала его уже больного. Был жар 38 и 5, через час 39 и 4 и еще через час 40 и 2. Накануне Л.Н. еще был в бане, и все вместе – он и захворал. Я сама поехала за доктором, привезла молодого Усова. Л.Н. охотно покорился осмотру, выслушиванию и пр. Предписали Эмс, как всегда, растирание всего тела горячили, горячее на живот. Все бросилось на кишки, печень и желудок. Все застужено от чрезмерного потения в работе. – Все сделала, вчера уж было лучше: 38 и 6, сегодня 37 и 5; Лев Николаевич еще слаб, но уже болезнь уступила. Он ел, я ему в три часа снесла Эмс, а потом овсяный суп, пюре. Он говорит: «Как ты умна, что догадалась принести мне суп, я ослаб немного». Потом он с нами обедал; нас было мало: мы, старики, Сережа, Таня и Саша. Еще Саша Берс и m-lle Aubert. Но дружно, тихо и хорошо было, и Сережа, бедный, такой грустный это время! Перед обедом дети катались на коньках и смотрели зверей в Зоологическом саду, Л.Н. спал, а я играла, упражняюсь усердно.

Получили анонимное письмо. Вот копия:

Граф Лев Николаевич!

Бесспорно, что секта Ваша растет и глубоко пускает корни. Как ни беспочвенна она, но при помощи дьявола и по глупости людей Вам вполне удалось оскорбить Господа нашего Иисуса Христа, который должен быть нами отмщен. Для подпольной борьбы с вами, подпольными же, мы образовали тайное общество «Вторых крестоносцев», цель которых – убить Вас и всех последователей – вожаков секты вашей. Сознаем вполне, что дело это не христианское, но да простит Господь и да рассудит нас за гробом! Как ни жаль бывает «своей» руки, но раз заражена она гангреной – приходится ею пожертвовать, жаль и Вас, как брата во Христе, но с уничтожением Вас зло должно ослабнуть! Жребий пал на меня недостойного: я должен убить Вас! Назначаю для Вас этот день: 3 апреля будущего 1898 года. Делаю это для того, что миссия моя – во имя великого святого, и Вы можете приготовиться для перехода в загробную жизнь.

Легко может быть, Вы поставите мне логично вопрос: почему агитация эта только против Вашей секты? Правда, все секты – «Мерзость пред Господом!», но законоположники их жалкие недоумии – не чета, граф, Вам; во-вторых: Вы – враг нашего царя и отечества!.. Итак, до «3 апреля».

Второй крестоносец жребьевой. Жребий 1-й.

Декабрь 1897 г. Село Смелое

На печати сургучом ЕС и дворянская корона. Штемпель из Павлограда 20 декабря.

Письмо это меня так беспокоит, что я ни минуты не могу его забыть. Думаю о нем сообщить екатеринославскому губернатору и здешнему обер-полицеймейстеру Трепову, чтоб приняли какие-нибудь меры. Если захотят, разыщут опасных людей.

Лев Николаевич не выразил беспокойства и говорит, что предупредить ничего нельзя и на все воля Бога.

26 декабря

Проводила утром Таню и Сашу в Гриневку и Никольское. Сережа уехал вчера вечером. Спешили, укладывали ящики. Я послала все на елку внукам, потом подарки и фрукты Доре и ящик с серебром и шубу своей Маше. Все это с Таней; и им корзиночку уложила с едой и фруктами на дорогу. Остались мы с Львом Николаевичем вдвоем; тихо и ничего, хорошо. Ему гораздо лучше, утром 36 и 9, вечером 37 и 5; он спросил вечером суп, печеное яблоко, бодрей и веселей. Меня преследует вчерашнее письмо.

Весь день провела за фортепиано. Эта бессловесная, музыкальная беседа то с Бетховеном, то с Мендельсоном, Рубинштейном и пр. и пр. – даже при моем плохом исполнении доставляет мне огромное удовольствие. Прерывали Митя Олсуфьев, и с ним мы откровенно, просто и дружно беседовали; потом моя холодная, благоразумная и красивая кузина Ольга Северцева и живая (с темпераментом), умная и талантливая М.Н. Муромцева. У нее есть много недостатков, но мне с ней всегда весело. – Получила четыре приглашения и себе и детям: к Треповым, к Глебовым, к брату Саше и к Муромцевой с Кони и музыкантами. Она говорила, что зовет и С.И. Но я знаю, что он уехал в «Скит» работать.

27 декабря

Была в симфоническом, играли все новые вещи для меня: Франка симфонию, Делиба «Le roi s'amuse», Глазунова в первый раз «Стеньку Разина» – поэму и пр. Новые вещи меня интересуют, но не радуют. Льву Николаевичу лучше, сегодня он выходил в сад и охотно ел. Трудно его, вегетарианца, кормить больного. Придумываешь усиленно кушанья. Сегодня дала ему на грибном бульоне суп с рисом, спаржу и артишок, кашку на миндальном молоке манную с рублеными орехами и грушу вареную.

Был у нас Давыдов Николай Васильевич; я ему говорила об анонимном письме, и он один посмотрел на это довольно серьезно. Принимала разные светские визиты: Голицыну, Самарину, Ховриных и т. д. Вечером приятно разговаривала с молодой девушкой, С.Н. Кашкиной. Приходили: Анненкова, Дунаев, Сергеенко, Цингер, Попов; сидели с Л.Н., пока я была в концерте.

Л.Н. сегодня рассказывал, что в день, когда ему заболеть, он шел по Пречистенке и на него вскочила вдруг неожиданно серая кошка и, пробежав по пальто, села на плечо. Л.Н., по-видимому, видит в этом дурное предзнаменование.

29 декабря

С утра занималась фотографией. Немного играла, упражнялась. После обеда играли с Львом Николаевичем в четыре руки Шуберта «Трагическую симфонию». Сначала он говорил, что это глупости, мертвое дело – музыка. Потом играл с увлечением, но скоро устал. Он слаб после болезни, все под ложечкой болит и запор, и похудел он, так мне нынче больно было на него смотреть. Вечером часа на два уезжала в концерт пианиста Габриловича. Играл он, конечно, хорошо, удивительно рiано выделяет. Но я все время вижу его старание и умысел и потому он меня не увлекал. – Никого нет лучше Гофмана и Танеева.

Вчера мы с Л.Н. ездили к брату Саше: Л.Н. играл в винт, а я слушала, как мне играла одна пианистка. Сыграла она и тот полонез Шопена, который нам играл летом С.И. Так меня всю

и перевернуло от воспоминаний его чудесной игры и его милого общества. И все это кончено – и навсегда!

Была вчера у Столыпина старика. У него молодежь разная собирается и поют «Норму». Живой старик, а ему 76 лет!

Думала о том, что Л.Н., находя в церкви много лишнего, суеверного, даже вредного, отверг всю церковь. Так же в музыке, слушая разную чепуху, встречающуюся в последнее время у новых музыкантов, он отверг всю музыку. Это большая ошибка.

Как десятками лет отбросили все лишнее, весь музыкальный сор, и остались настоящие таланты, так и из теперешней музыки новой отбросят все лишнее и останутся единицы; в числе их будет, наверное, Танеев.

1898

1 января

Вчера встретили Новый год Лев Николаевич, Андрюша, Миша, Митя Дьяков, два мальчика Данилевские и я. Случилось, что Данилевская заболела, и вместо того, чтоб у них была встреча Нового года, пришлось мальчикам быть у нас. Очень было приятно, дружно, тихо и хорошо. Мы пили русское донское шампанское, Лев Николаевич – чай с миндальным молоком.

Сегодня с утра играла и стерегла Мишу, чтоб он учился. Потом ездила к старой тетеньке Вере Александровне Шидловской, болтала с ней и кухнями своими; еще была у Истоминых. Обедали вдвоем с Львом Николаевичем. Он все не может справиться здоровьем, мало ел, только суп грибной с рисом и манную кашку на миндальном молоке и пил кофе. Он вял и скучен, потому что не привык быть болен и слаб. Как ему трудна будет дальнейшая слабость и потеря сил! Как ему хочется еще и жизни и бодрости. А скоро 70 лет, в нынешнем уже году в августе, т. е. через полгода. Он все читает один, в своем кабинете наверху, пишет немного писем; сегодня ходил к больному, обожающему его Русанову. На диване, в его кабинете, лежит черный пудель, недавно полученный Таней в подарок от графини Зубовой. Этого пуделя он и гулять брал.

3 января

Вчера с утра приехали: Стасов, Гинсбург скульптор, молодой художник и Верещагин (плохой писатель). Стасов, пользуясь своими 74 годами, бросился меня целовать, приговаривая: «Какая вы розовая и какая стройная!» Я сконфузилась и не знала, как от него отделаться. Пошли наверх, в гостиную, разговаривали о статье Льва Николаевича «Об искусстве». Стасов говорил, что Л.Н. все вверх дном поставил. Я это и без него знала, ведь он на то и бил!

Была неприятная короткая стычка у нас с Л.Н. по поводу моего упрека, что публика должна записаться на «Журнал Философии и Психологии» на два года, чтоб прочесть статью Л.Н., помещаемую в книге ноябрь-декабрь и в книге февраль-март; а что если б его вещи печатала я при его «Полном собрании сочинений», то я бы продавала за 50 коп. и все могли бы читать. Л.Н. начал при всех кричать, что «Я не даю! Я всем даю!»... «Мне упрекают с тех пор, как я все даром отдаю!»

А ничего он мне не дает: «Хозяина и работника» тайком от меня послал в «Северный Вестник»; тоже тайком теперь послал свое «Введение», которое вернул; и статью об искусстве старательно охранял от меня, – бог с ним! Он прав, его произведения – его неотъемлемая собственность; но не кричи уж на меня.

Приехала вчера вечером Маша с Колей. Она всецело отдалась мужу, и для нее мы уже мало существуем; да и она для нас не очень много. Я рада была ее видеть; жаль, что она так худа; рада, что она живет любовью, это большое счастье! Я тоже жила долго этой простой, без рассуждений и критики – любовью. Мне жаль, что я прозрела и разочаровалась во многом. Лучше я бы осталась слепа и глупо-любяща до конца моей жизни. То, что я старалась принимать от мужа за любовь, – была чувственность, которая то падала, обращаясь в суровую, брюзгливую строгость, то поднималась с требованиями, ревностью, но и нежностью. Теперь мне хотелось бы тихой, доброй дружбы; хотелось бы путешествия с тихим, ласковым другом, участия, спокойствия...

Вечером была в опере «Садко». Красивая, занимательная опера, музыка местами хорошая, талантливая. Автора безумно вызывали, овации были большие. Мне было приятно, но опять-таки лучше бы и музыку слушать, если б рядом со мной, как у многих, был тихий, добрый друг – муж.

Езжу и принимаю визиты без конца и очень этим тягочусь...

Вечер. Обедали у нас Стасов, Касаткин, Гинсбург и Матэ, один скульптор и другой гравер. После обеда приехала Муромцева в желтом атласном платье и цветах, но в нетрезвом виде и на меня навела ужас, как всегда, когда я вижу людей не в своем виде. Позднее приехали Римский-Корсаков с женой, а Муромцева уехала. – Были разговоры об искусстве очень горячие и громкие. Стасов молчал, Л.Н. кричал, а Римский-Корсаков горячился, отстаивая красоту в искусстве и развитие для понимания его. Все это написано в его статье. Мы никто не соглашались с Л.Н. в том, что он отрицал и красоту и известное развитие для понимания искусства. Корсаковы несколько раз поминали С.И. и с таким же уважением и любовью, как и все к нему относятся, кроме моего свирепого мужа. Как он сегодня шумел в разговоре! Я всегда боюсь, что он кого-нибудь оскорбит резкостью.

Устала от целого дня общения с людьми... Мальчики танцуют у Лугининых.

5 января

Вчера была на танцевальном утре в доме Щербатова, где собралось все так называемое общество Москвы. Поехала для Саши, которая утром вернулась с Таней от братьев из деревни, и посмотреть, как танцуют мои сыновья. Очень было веселое утро и такое стройное, ничего не оскорбляло.

Вечером поздно поехала на вечер к Муромцевой, чтоб ее не обидеть, и там меня очень почетно принимали; было пенье, музыка, и это было приятно. Но в этом хаосе общественной жизни я совсем одуреваю. Кроме того, больны все три дочери: у Маши головная страшная боль с истерическими припадками, у Саши нарыв в ухе был, очень болел и лопнул, у Тани флюс, лихорадочное состояние и мысли о Сухотине, который завтра приезжает.

Лев Николаевич опять здоров, гуляет и со мной ласков. Сегодня ходила пешком на ученическую выставку, ужасно плоха, и только некоторые пейзажи не дурны и хорошо напоминают лето, лес и воду. Обедал у нас сегодня Репин и провел весь день до вечера. И кроме него было много гостей.

6 января

Ездил на Патриаршие пруды кататься на коньках и много каталась с Маклаковыми и Натасей Колокольцевой. Оттепель и шел дождь. Очень весело и здорово это катанье на коньках. Вечером читала, сидела с Сашей и слушала музыку неизвестного юноши Поля из Киева, который играл Льву Николаевичу и нам свои сочинения и очень талантливо. Л.Н. невесел, потому что ему все еще не работается. Он тоже катался на коньках в каком-то приюте малолетних бесприютных детей; это уже не в первый раз. С утра плакала, вспомнив живо Ваничку, а к вечеру опять взяла тоска по многому, чего хочется в жизни и чего нет и никогда не будет...

Л.Н. все читает материалы кавказской жизни, природы, всего, что касается Кавказа.

8 января

Вчера обедал у нас Репин, все просил Льва Николаевича задать ему тему для картины. Он говорил, что хотел бы свои последние силы в жизни употребить на хорошее произведе-

ние искусства, чтоб стоило того работать. Лев Николаевич еще ничего ему не посоветовал, но думает. Самому ему не работается. Погода ужасная: ветер страшнейший, везде вода, больше, чем весной бывает в Москве; 3 градуса тепла и темнота.

Вчера прочла отзыв хвалебный Кашкина об опере «Садко», которая мне страшно нравится, и так захотелось поехать. Л.Н. меня уговаривал с добротой такой, чтоб я ехала, что я еще больше почувствовала себя виноватой от своего легкомыслия.

Я... очутилась там, где могла видеть С.И. Когда мы искали свои шубы, он со мной сказал два слова, что кончил симфонию свою для оркестра и что на днях придет.

Вернувшись домой, я хотела сказать Л.Н., что я видела С.И., и никак не могла. Когда я вошла к нему, мне показалось лицо Л.Н. такое худое, грустное; мне хотелось броситься к нему и сказать, что я не могу никого любить больше его, что я все на свете готова сделать, чтоб он был спокоен и счастлив; но это было бы дико, и потом, кто поручился бы, что он, как Маша, думал бы дурное про меня, подумал бы, что я что-нибудь знала, подстроила, сговорила...

Больна Саша; у ней нарыв в ухе, и очень мне жаль свою юную подружку моей теперешней жизни. Таню по-старому горячо люблю, жалею и слежу с болью за ее сердечной борьбой. Андрюша уехал в Тверь, Миша в лицее. Л.Н. сейчас хотел проехаться верхом, но лошадь хромотает, и он ушел пешком.

10 января

Была с Марусей Маклаковой на Периодической выставке картин, и хотя мало хороших, но я люблю искусство. Кстати об искусстве: вчера А. Стахович, адъютант вел. кн. Сергея Александровича, говорил, что читали у великого князя статью Льва Николаевича «Об искусстве» и говорили с соболезнованием, что «жаль, что это вышло из-под гениального пера Льва Толстого». – Еще говорили о нашей семье, и великий князь, встретивший меня у Глебовой в среду, сказал Стаховичу, что был поражен моей необыкновенной молодостью. Я так к этому привыкла, и так дешева эта похвала, что я уж ей не придаю никакой цены. Если б я хоть что-нибудь была больше, чем молодая жена Льва Толстого, как я была бы рада! Я говорю в смысле духовных качеств.

Л.Н. спокоен, здоров, но все не может работать. Мы дружны, и просты наши отношения, как давно не были. Я так рада! Но надолго ли?

13 января

Вчера именины Тани. Готовили с утра вечер. Таня начала звать к себе гостей, я продолжала. Это долг светским отношениям. Днем разбираю картон, в утренней кофточке, растрепанная, ничего не слышу, вдруг предо мной С.И. и Юша Померанцев. Я так взволновалась, вся вспыхнула и ничего не могла сказать. Не велела никого принимать, а их пустили почему-то. Сидели почти час, говорили о «Садко», о Римском-Корсакове и др. Когда ушел С.И., какое-то мучительно тоскливое чувство, что я, чтоб успокоить Л.Н., должна ненавидеть этого человека и, по крайней мере, относиться к нему, как к чужому совсем – а это невозможно. – Вечер был с пением Муромцевой-Климентовой, Стаховича, с игрой Игумнова и Гольденвейзера, с освещением, угощением, ужином, генералом, княгинями, барышнями, и было не весело, но и не скучно. Трудно было. Л.Н. играл в винт с Столыпным, братом Сашей и др.

Сегодня уехали Маша и Коля.

14 января. Среда

Лев Николаевич стал бодрей эти два дня.

Саша, слава Богу, выздоровела и начала учебу. Миша сегодня тоже занимался и уехал в Малый театр смотреть «Борцы» М. Чайковского.

Живу старательно, но часто с глубоким отчаянием в душе... Помогите, Господи!

16 января

Таня собирается в Петербург. Я намекнула было, что мне хотелось бы съездить на представления опер Вагнера в Петербург, но на меня Лев Николаевич за это излил такой злобный поток упреков, так язвительно говорил о моем сумасшествии касательно моей любви к музыке, о моей неспособности, глупости и т. д., что мне теперь и охоту отбило что-либо желать.

Весь день провела за счетами с артельщиком, очень внимательно привела в порядок свои книжные, детские и домашние дела, но очень устала и голова болит. Вечером поздно пошла прогуляться с Львом Николаевичем, проводили домой Марусю Маклакову, и с нами был Степа брат и Дунаев.

Сегодня наша Таня и Маруся Маклакова пересматривали фотографии разных мужчин и переговаривались, за кого бы они пошли замуж. Когда дошли до портрета Льва Николаевича – обе закричали: «Ни за что, ни за что!» – Да, трудно очень жить под деспотизмом вообще, а под ревнивым – ужасно!

17 января

До поздней ночи меня пилил Л.Н., говоря, что он просит отпустить его в деревню, что он мне не нужен, что жизнь в Москве для него убийство, и все в этом роде. Слово отпустить не имеет значения, я его держать не могу. Если я желала, чтоб он приехал в Москву, то потому, что мне естественно и радостно жить с мужем, которого я привыкла любить, о котором привыкла заботиться. Чтб он не мучился ревностью – я все сделала и все-таки не заслужила его доверия. Если б он уехал в деревню, он еще больше бы мучился; уехать, всем нам – как же быть с Мишей и Сашей, не учить их? Думаешь, думаешь... А равнодушие и бездействие Льва Николаевича в воспитании своих детей всегда мне тяжело, и я ему ставлю это в упрек. Сколько отцов не только воспитывают сами детей, но еще и кормят их своим трудом, как мой отец. А Л.Н. считает, что даже жить с семьей для него убийство.

Ходила утром по делам в банк и за покупками. Ветер страшный, 6 градусов мороза. Приехал Илюша на собачью выставку и за деньгами; тут Сережа. Степа брат уехал, приехала к нам Соня Мамонова.

Сегодня в банке, дожидаясь, читала газету, и до слез меня огорчает дело убийства рабочих взрывом газа на Макеевских шахтах в Харьковской губернии. Описание похорон, горе родных, убитые лошади, искалеченные люди – все это ужасно! Убиты те, которые без света, без радости, в вечной работе несли тяжелую трудовую жизнь под землей! А рядом пишут и кричат о деле Дрейфуса в Париже. Как оно мне показалось ничтожно в сравнении с русской катастрофой.

М. Аргайл, английский специалист в области социальной психологии, межличностного общения в 80-е гг. XX века издает комплексную работу, содержащую в себе обширный материал западноевропейских и американских исследований счастья. В основном обзор Аргайла включает перечисление

факторов счастья. Причём факторы выступают также и как источники, и как условия, и как области удовлетворённости жизнью, а иногда и как характеристики самого субъекта – совокупность личностных черт жизни индивида, которые поддаются определению, замеру и обнаруживают статистически значимую связь с удовлетворённостью жизнью.

Аргайл понимает счастье как состояние переживания удовлетворённости жизнью в целом, общую рефлексивную оценку человеком своего прошлого и настоящего, а также частоту и интенсивность положительных эмоций. Этот взгляд имеет исторические корни в философской традиции античного эвдемонизма.

18 января

Лев Николаевич чистил снег и поливал каток в саду и написал много писем. Он очень молчалив, необщителен и, верно, обидев меня, в письмах жалуется друзьям на меня же.

20 января

Вчера Саша утром собирала складчину для маленького сына отошедшего от нас лакея Ивана. Этого мальчика Леню обварили самоваром, и он лежит в больнице. Эта доброта Саши и ее бескорыстность странно вяжутся с ее дурным характером.

Как вышло удивительно третьего дня. Сыновья мои ушли в театр, Сережа смотрел «Садко» в театре Солодовникова. Напал на меня страх, что сгорит театр, и я говорю Льву Николаевичу, что я предчувствую пожар театра. И действительно, в ту ночь, когда разошлась публика, сгорел театр и обрушилась крыша.

Сегодня ездила с Сашей покупать ей башмаки и корсет. Потом разметала снег в саду на катке; Лев Николаевич присоединился ко мне, и мы вместе мели снег, а потом он стал кататься на коньках, а я села играть и упражнялась часа полтора.

Вечером было большое удовольствие. Мария Николаевна Муромцева привезла нам молодого пианиста Габриловича, и он нам играл целый вечер превосходно: балладу Шопена, ноктюрн его же, Impromptu Шуберга, Rondo Бетховена. Пришел Миша Олсуфьев, Маруся Маклакова. Лев Николаевич очень наслаждался музыкой и благодарил этого веселого, добродушного и талантливое двадцатилетнего мальчика.

Прочли с Соней Мамоновой, которая гостит у нас, разбор статьи Л.Н. «Об искусстве». Все критики сдержанно отзываюся об этой статье.

21 января

Хотела и начала читать корректуру нового издания «Детства и отрочества», и оказалось, что не тем шрифтом набрано, и я отослала в типографию и велела набирать вновь.

Вечером разучивала усердно сонату Бетховена. Потом устала, пошла наверх к Льву Николаевичу, а у него фабричный, солдат и еще какой-то темный. Скууу-чно мне стало от этой вечной стены различных посетителей (да еще таких) между мной и мужем.

Весь день идут у нас с Соней Мамоновой и Львом Николаевичем разговоры о деревенской газете для народа. Цель газеты – дать интересное чтение народу. События вроде крушения поездов, столкновения пароходов, несчастий в шахтах, приезд китайских, абиссинских и других заморских гостей; описания метеорологические, агрономические, исторические, потом сведения о своем царе и царской фамилии, краткое описание праздников, и фельетон – лег-

кое чтение. Лев Николаевич так увлекся этой мыслью, что выписал Сытина (издателя народных книг и картин), чтоб поговорить о материальной стороне дела. Главное, Л.Н. меня хочет вовлечь в эту газету. Я очень сочувствую мысли, но с ним я бы не могла вести дело, мы слишком разных направлений, а своей непрактичностью Л.Н. испортил бы мне все дело. Не как редактора, а только как сотрудника по беллетристике я взяла бы себе Льва Николаевича.

Устала, тоскливо, иду спать и жить душою и мыслями той жизнью, которой не живу в действительности. Я сплю мало, но зато думаю, думаю, вспоминаю, даже еще о будущем думаю и чего-то жду от него.

Сегодня Миша выдержал греческий экзамен полугодовой.

22 января

Играла на фортепиано целое утро, нервна до последней крайности, не спала всю прошлую ночь и лежала с открытыми глазами в темноте, боясь разбудить и потревожить мужа. Сию я сегодня за фортепиано и вдруг подумала, что Л.Н. может умереть, что его обещали убить, и вдруг расплакалась... Как ни строг он со мной, как еще много у меня в сердце любви к нему.

Вечером была в концерте – квартет венских профессоров консерватории.

Л.Н. утром гулял с Таниным черным пуделем по саду: каток его растаял. Потом он получил письмо от дамы из Воронежской губ., что там голод, и она просит помощи и совета. Л.Н. написал письмо в «Русские Ведомости» о голоде, но вряд ли напечатают. Вечером он был у больного Русанова. Приходил Попов, он едет к Бирюкову и везет ему кое-что от Л.Н. Бирюков из Бауска едет в Англию. Туда же вчера уехала Винер, бывшая сожительница князя Хилкова, тоже сосланного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.